

## Глава 4. Гермиона

"...а в следующий момент я проснулся, и первое, что увидел — это нависшего надо мной Снейпа. Я подумал, что умер и попал в Ад."

"Должно быть, это было шокирующе." — поддразнила меня Гермиона, — "По крайней мере, в этот раз ты на него не напал."

"Ой, да ладно тебе," — пожаловался я, — "и ты туда же! Рона и близнецов было достаточно!"

Она горько усмехнулась. — "По крайней мере, Рон проводит время с тобой. Я не видела его с... той ночи."

Эти слова заставили меня замолчать.

В настоящее время я сидел с Гермионой в её комнате. МакГонагалл приказа эльфам перенести её вещи в этот специальный спальный корпус, официально сославшись на предоставление 'личного пространства' до тех пор, пока девушка не сможет вернуться к обычному посещению занятий. Это было всего лишь прикрытие. Как ни крути, она была ранена трансформирующимся оборотнем во время полнолуния, — даже несмотря на то, что тот не совсем укусил её, — и, таким образом, её статус 'ведьмы' оказался под угрозой. До тех пор, пока Помфри не удостоверится в том, что у Гермионы не отрастут шерсть, хвост и клыки во время следующего полнолуния, её решили поместить на карантин в эти отдельные апартаменты, оснащённые личной ванной комнатой и всем другим необходимым.

"Как твоя рука?" — спросил я, отбросив эти мысли.

Её взгляд ожесточился, и она закатала рукав. — "Полностью исцелена, видишь?"

В этом-то и был подвох. Ликантропия — это дьявольское тёмное проклятие, но оно имело свои преимущества, одним из которых являлась ускоренная регенерация. Её рука должна была годиться только на ампутацию, но она, тем не менее, зажила. Это говорило только о том разложении, которое проклятие вызывало внутри неё. Возможно, не сегодня, может быть, не в течение месяца, но в конечном итоге она полностью заразится проклятием.

И станет оборотнем.

Гермиона фыркнула, замолчала и сжала мою руку своей. Её хватка была маленькой, но сильной и тёплой. — "Мадам Помфри сказала, что у меня была перерезана половина нервов на правой руке. Поверхностное лечение должно было занять несколько дней, а полное заживление — месяцы. И это в лучшем случае. Вместо этого через пару часов со мной было всё в порядке. Я думаю, нет смысла отрицать очевидного. Я оборотень."

"Но он тебя не кусал."

Она выдохнула и положила голову мне на плечо. Мы сидели на диване в её гостиной. МакГонагалл разделила это место на настоящую гостиную с односпальной кроватью, парой кушеток для посетителей, ванной и кабинетом. Её каштановые волосы, — чистые, но растрёпанные, — рассыпались по моим плечам. Трудно поддерживать себя в стиле и оптимистичном настроении, когда знаешь, что ты проклята. И пользоваться косметикой тоже.

И она выглядела вялой. Гермиона Грейнджер находила отсутствие какой-либо занятости во время своего 'выздоровления' утомительным.

"Да, он меня не укусил." — согласилась она тихим голосом, — "И это самое худшее. По крайней мере, тогда я бы знала, кем стала. Мне бы не приходилось просыпаться посреди ночи и смотреться в зеркало, чтобы проверить, стали ли мои глаза серебристыми, и не превратились ли пальцы в когти."

"Оборотень — это всё ещё..."

"Оборотень — это оборотень, Гарри." — возразила Гермиона. — Тебе не обязательно пытаться меня приободрить. Я провела своё исследование в отношении Люпина. Я знаю, ты хочешь сказать, что я всё та же ведьма, которую ты знал."

"Ты такая и есть." — парировал я, — "У тебя просто будет... обстоятельство, может быть. Раз в каждое полнолуние."

Гермиона невесело хихикнула.

"И вот тут ты ошибаешься, Гарри." — сказала она, её голос уже стал не таким тихим, как... у мертвеца. — "Дело не только в регенерации или силе и скорости. Дело тоже не в том, чтобы иногда обращаться в зверя."

Она встретила со мной взглядом. — "Изменение здесь, Гарри" — она указала на свои виски. — "В разуме. Восприятии. Ты видишь Малфоя, Рона или профессора Макгонагалл, и у тебя возникают десятки мыслей о каждом из них. А у меня? Я буду смотреть на них и думать — Еда, еда и ещё раз еда."

При этих словах мой мозг завис на добрых десять секунд.

"Я знаю, что ты на это скажешь." — продолжала Гермиона, — "Что Люпин не вёл себя так. Что он был таким же, как любой другой волшебник. Дело в том, Гарри, что профессор Люпин — это очень, очень жалкое подобие оборотня. Он борется с проклятием всю свою жизнь, отвергая свою природу оборотня, и оборотень отверг его в ответ. Это ослабило его как человека, как волшебника, и как оборотня. Всё, на что он способен, — это убежать, что, собственно, он в

итоге и сделал. Он ни разу не пытался связаться с тобой. Даже в течение всего этого года он никогда не поднимал тему своего прошлого. Он может сколько угодно называть это своим позором, но правда в том, что бегство стало его реальностью. И это заметно, даже когда он трансформируется в оборотня."

Это... имело смысл. Даже после женитьбы на Тонкс инстинктом Люпина было бросить всё и сбежать. Гарри из Канона истолковал это как недостаток мужества у этого человека встретиться лицом к лицу со своими страхами, и он был прав. Только правда гораздо более дьявольская, чем он предполагал. Столкновение лицом к лицу со своими страхами было тем, чего Ремус Люпин избегал любой ценой. Если подумать, он, вероятно, считал, что лучше погибнуть в битве за Хогвартс, чем пытаться растить ребёнка.

"Откуда... тебе всё это известно?"

Потемневшие глаза Гермионы смотрели на меня, в них таилось мрачное веселье. — "Ты ведь не читал то, что нам поручил Снейп, не так ли? Думаю, он давал нам намёк. Ты, я, Рон, — мы все стояли там и смотрели, как Люпин трансформируется. Если бы на его месте был любой другой оборотень, мы бы тряслись от инстинктивного страха."

Я нахмурился. — "И что теперь будет?"

Она выпрямилась и посмотрела на меня. — "У меня... было много времени, чтобы поразмышлять, Гарри. Я... я сначала подумала, что руководство вышвырнет меня вон, знаешь ли, из-за моего недуга. Но мадам Помфри сказала, что проклятию может потребоваться некоторое время, прежде чем я стану полноценным оборотнем. Она сказала, что я... гибрид. До тех пор, пока я не начну превращаться в полнолуние, мне будет позволено оставаться здесь." — она сделала паузу, — "Живя в таком изолированном помещении, как это."

"А после?"

Она снова фыркнула. — "Тогда я уйду. Придумаю что-нибудь, как поступить со своей жизнью. Рон знает об этом." — она снова сделала паузу, и я почувствовал, как что-то надломилось в её голосе, — "Может, именно поэтому он и избегает меня. Его родители, вероятно, рассказали ему о реальности того, что такое оборотень. Я его не виню."

Я моргнул, глядя на неё. — "А я виню. Рон — наш друг. Он не должен вот так бросать тебя, потому что ты стала оборотнем."

"Он не... бросил меня." — сказала девушка, — "Первые пару дней он был там, в больничном крыле. Я слышала, как он требовал, чтобы мадам Помфри позволила ему навестить меня. Но потом, когда я выздоровела, всё изменилось. Он так и не пришёл. Как и Джинни, или кто-то другой."

"Что за яйца Мерлина! От меня ты такого не увидишь."

На её лице промелькнули понимание и боль. Она скрестила руки на животе. — "И вот почему ты — Гарри Поттер. Хотя... кажется, даже ты можешь измениться. Иначе с чего бы тебе вдруг проводить время с Джинни?"

Я смахнул проступивший на лице пот. Я остро ощущал её ястребиный взгляд, её хищную позу. Она смотрела на меня по-волчьи, готовая наброситься при малейшем намёке на слабость.

"Как...?"

"Обострённые чувства, в том числе и обоняние." — объяснила она с притворной весёлостью, — "Ещё одно преимущество подписки на ликантропию."

"...Это сложно."

Мой ответ позабавил её. — "Похоже на то."

Я отвернулся, не желая показывать, как сильно это меня встревожило. Чёрт! Я — не Гарри Поттер, и Гермиона — не моя лучшая подруга. Но в моём разуме хранились тысячи воспоминаний — моментов, проведённых с этой девушкой. И я носил тело, принадлежавшее её лучшему другу. Того человека, кому она доверяла. Того человека, ради защиты которого она готова умереть.

Воспоминания во мне не дали бы мне покоя, если бы я просто испортил отношения с ней прямо сейчас. Не тогда, когда она находится в своём самом уязвимом состоянии, ожидая поддержки от своего лучшего и, осмелюсь сказать, единственного друга в Хогвартсе. Попытка сбежать от неё не просто разобьет ей сердце, это разрушит её изнутри.

"Та ночь... Она изменила и меня."

Гермиона скрестила руки на груди и снова плюхнулась на диван. — "Объясни."

Настала моя очередь играть. Гермиона Грейнджер была невероятно проницательной ведьмой, но эта проницательность часто сопровождалась долей собственного упрямства. Она не примет ни одной причины, которую я ей приведу, если я не подкреплю это холодными, неопровержимыми фактами, если не эмпирическими доказательствами. Холодная, психопатическая часть меня отметила, что эмоциональная связь Гарри с Гермионой, вероятно, гораздо сильнее, чем с кем-либо ещё. Вот почему с Ромильдой, несмотря на сногшибательный секс, привязанность составляла всего 17%, в то время как у Джинни — целых 22%, даже от простого минета. Если бы мне удалось включить Гермиону в этот список, тогда...

"Я всё ещё жду."

<http://erolate.com/book/4284/152698>